

УДК 34.023

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-7-15

П. В. Васильев

Ульяновский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Ульяновск, Российская Федерация,
vapv22031979@yandex.ru

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ЯВЛЕНИЯ И ИХ ПОНЯТИЙНО- ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАЖЕНИЯ

Аннотация. Суть проблемы соотнесения регулирования правоотношений и правового регулирования между собой, а также с их понятийно-терминологическими отражениями состоит в понятийной неопределенности, обусловленной полисемией и синонимией терминов «регулирование правоотношений» и «правовое регулирование». Выявлено разнообразие вариантов использования этих терминов. Определены признаки явлений, к которым в юридической науке применяют термины «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений». Установлены свойства явлений, которые систематизированы в четыре отдельных подхода к пониманию правового регулирования и регулирования правоотношений. Также предложено разграничение сфер употребления терминов «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений».

Ключевые слова: право; правотворчество; правовое регулирование; регулирование правоотношений; юридическая терминология; интерсубъективная реальность.

UDC 34.023

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-7-15

P. V. Vasiliev

Ulyanovsk branch of The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Ulyanovsk, Russian Federation,
vapv22031979@yandex.ru

REGULATION OF LEGAL RELATIONS AND LEGAL REGULATION: PHENOMENA AND THEIR CONCEPTUAL AND TERMINOLOGICAL REFLECTIONS

Abstract. The essence of the problem of correlating the regulation of legal relations and legal regulation with each other, as well as with their conceptual and terminological reflections, is the conceptual uncertainty caused by the polysemy and synonymy of the terms “regulation of legal relations” and “legal regulation”. A variety of use cases for these terms has been identified. The signs of phenomena to which the terms “legal regulation” and “regulation of legal relations” are applied in legal science are identified. The properties of phenomena have been established, which are systematized into four separate approaches to understanding legal regulation and regulation of legal relations. A differentiation of the spheres of use of the terms “legal regulation” and “regulation of legal relations” is also proposed.

Keywords: law; lawmaking; legal regulation; regulation of legal relations; legal terminology; intersubjective reality.

Введение

Проблематика правового регулирования продолжает привлекать внимание исследователей. Так, Р. А. Абрамов и Д. А. Пашенцев рассматривают его в связи с развитием цифровой экономики [1], перспективными выглядят попытки разработки методик определения его стоимости Д. В. Орловым [8].

Однако существующая со времен Аристотеля традиция современного научного познания предполагает анализ позиций, представленных по изучаемым проблемам. Скрупулезное следование данной традиции привело к тому, что обозначить все существующие суждения относительно изучаемой проблематики стало практически невозможно. Более того, даже понимание сути изучаемой отдельным автором проблемы представляет собой немалое затруднение. Последнее часто обусловлено полисемией, которая в научном сегменте культуры существует как результат вполне осознанной практики наделения одних и тех же терминов принципиально различными смыслами. Так, при чтении работ по проблематике правового регулирования и регулирования правоотношений стало весьма трудно понять тот смысл, который авторы вкладывают

в понятия «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений». Кроме того, данная проблема создает основу для нарушения логического закона тождества, требующего использования терминов в одном и том же смысле во всем тексте исследования.

Методы исследования

При наблюдении за работой различных научных конференций выявлено весьма существенное разнообразие применения терминов «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений».

Для формирования выборки публикаций, содержащих упоминания о правовом регулировании и регулировании правоотношений, использован метод контент-анализа.

С помощью сравнительного анализа признаков, составляющих содержание дефиниций, определены свойства явлений, которые получили обозначение терминами «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений».

Системно-функциональным методом установлены свойства изучаемых явлений, которые систематизированы в четыре самостоятельных подхода к пониманию правового регулирования и регулирования правоотношений.

С опорой на лингвистический метод предложено разграничение сфер употребления терминов «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений».

Основное исследование

Применительно к употреблению термина «правовое регулирование» мы выявили как минимум четыре самостоятельных подхода:

- функциональный: правовое регулирование как форма реализации регулятивной и охранительной функций права [10, с. 27, 83–96];
- узкокибернетический: как разновидность движения управленческой правовой информации от ее генераторов рецепторам-адресатам [11, с. 12];
- властнодеятельностный: как деятельность управомоченного лица по упорядочению общественных отношений юридическими средствами [6, с. 5];
- содержательно-отраслевой: как содержание форм права, систематизированного по отраслевому критерию [3, с. 12–13].

Обоснование терминологических решений представлено в нашей более ранней работе «Правовое регулирование: проблемы понимания» [5]. При этом за каждым из подходов практикой словоупотребления закреплены свои области применения. Несложно заметить, что явления, обозначаемые термином «правовое регулирование», так сильно различаются по своим свойствам, что их смешение в одном тексте делает его практически недоступным для понимания.

Причина этого в том, что явления, обозначаемые данным термином, часто не могут существовать одновременно. Например, правовое регулирование как содержание отраслей права возникает в юридической реальности только после того, как прекращает свое существование правовое регулирование в качестве властной деятельности по созданию соответствующих правовых предписаний. Заметим, что время начала существования правового регулирования как содержания отраслей права может не совпадать с возникновением правового регулирования как формы реализации функций права. Наиболее отчетливо это видно на примерах норм права, которые созданы и опубликованы (доведены до сведения адресатов), но еще не подлежат реализации. В связи с этим часто весьма сложно понять, какой смысл автор вложил в данный термин.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать при использовании термина «регулирование правоотношений». Воспользовавшись ресурсом «Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU» (6 ноября 2025 года), по запросу «Регулирование правоотношений» без ограничения по другим поисковым опциям и отметкой опции «искать с учетом морфологии» мы обнаружили список из 115 130 проиндексированных публикаций. Это весьма внушительное и трудно обрабатываемое количество публикаций, которое говорит о значительной распространенности термина «регулирование правоотношений». Ограничив тематику поиска рубрикой «Государство и право. Юридические науки», а опцию «Где искать» — только ключевыми словами, мы получили выборку из 187 публикаций. Попытка несколько обобщить подходы, используемые авторами для определения регулирования правоотношений как самостоятельного юридического явления, демонстрирует использование термина «регулирование правоотношений» точно в таких же значениях, которые ранее были выявлены для термина «правовое регулирование».

Таким образом, мы имеем ситуацию, в которой существуют два термина, наполняемые авторами как минимум четырьмя существенно различными значениями. Кроме того, в одних и тех же работах оба термина часто синонимичны. Мы считаем, что такая ситуация крайне нежелательна, так как она препятствует осмыслению дискурса. Последний, вероятно, возможен только в рамках отдельных научных школ, сформировавших традицию словоупотребления. Но в условиях международных или всероссийских конференций ожидать достижения существенного научного результата, когда все участники понимают суть авторского решения научной проблемы, по нашему мнению, не стоит.

Если попытаться следовать принципу однозначности юридической терминологии, то, на наш взгляд, наиболее корректно обозначать терминами «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений» следующие явления.

Правовое регулирование представляет собой форму реализации регулятивной и охранительной функций позитивного права. В этом смысле его удобно разграничивать с регулированием правоотношений, под которым мы полагаем адекватным понимать деятельность властного субъекта по созданию правовых средств (последние используем в понимании С. С. Алексеева [2, с. 151])

и наделению их соответствующей юридической силой, обеспечивающей возникновение, изменение или прекращение правового регулирования.

Наши доводы в этом случае сугубо лингвистические. Прилагательное «правовое» означает свойство, присущее явлениям, производным от слова «право». Существительное «регулирование» обозначает процесс, действие. Однако в русском языке действия принято обозначать глаголами. Глагол «регулировать» происходит от латинского *regulare* — приводить в порядок [4, с. 1111]. Синтез указанных значений в рамках лингвистического метода дает понятие «приведение в порядок правом, правовыми средствами». Но данное понятие можно наполнять как минимум двояким функциональным смыслом. В первом случае право в целом, а также отдельные правовые средства функционируют сами (функциональный подход к пониманию правового регулирования), во втором — действует управомоченный субъект, а право и правовые средства представляют собой инструменты для функционирования данного субъекта (властнодеятельностный подход к пониманию правового регулирования).

Если провести семантический анализ понятия «регулирование правоотношений», то мы получаем приведение в порядок именно правоотношений, то есть общественных отношений, ранее получивших правовое оформление пусть даже правовыми обычаями или хотя бы подлежащих такому регулированию в силу правовых принципов [7, с. 196–247].

Таким образом, у нас есть возможность удобно разграничить языковые сферы использования терминов. Регулированием правоотношений мы предлагаем обозначать деятельность управомоченного правосубъектного лица по созданию правовых средств, приданию им юридической силы, ее изменению или прекращению, а правовым регулированием — само осуществление правом, правовыми средствами регулятивной и охранительной функций.

Выгода такого разграничения в том, что предлагаемый подход способен ограничить волюнтаризм в научном мышлении, не позволяя создавать ситуации понятийной неопределенности.

При таком подходе ясно видно, что оба эти явления применительно к одним и тем же общественным отношениям никогда не будут существовать вместе. Правовое регулирование в юридической реальности возникает только тогда, когда регулирование правоотношений уже завершено, а соответствующие правовые средства сформированы, введены в действие либо последнее изменено или прекращено.

В данном случае регулирование правоотношений вполне может существовать в форме деятельности управомоченного лица (или лиц) по созданию новых, отмене или изменению как действующих правовых норм — предписаний (правотворчество в традиционном понимании для советской и российской юридической науки), так и индивидуальных правовых предписаний.

Кратко затронем проблему, как термины «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений» определяют само содержание позитивного права (содержательно-отраслевой подход). Иногда указанными терминами

обозначают массив предписаний нормативного или индивидуального адресования. В самом общем виде это право в позитивистском понимании. В данном случае мы полагаем возможным оставить без существенного рассмотрения проблему обоснованности включения в объем понятия «право» индивидуальных правовых предписаний. Это также дело терминологического консенсуса.

Рассматриваемая проблема состоит в неопределенности, существующей по вопросу целесообразности использования терминов «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений» для обозначения самого массива правовых предписаний. В дальнейшем для упрощения рассуждений будем говорить лишь о праве.

Сформулируем тезис решения указанной проблемы: нецелесообразно обозначать терминами «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений» массив правовых предписаний.

Причин этому несколько. Во-первых, за указанными явлениями в науке прочно закреплены иные термины: система права, система законодательства (в последнем случае удачнее, на наш взгляд, термин «система форм права», но практика словоупотребления сформирована), система правовых предписаний и некоторые другие. Употребляя последние как синонимы наряду с терминами «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений», исследователи юридической реальности без очевидной необходимости создают большую неопределенность, путаницу смыслов, особенно в тех случаях, когда избегают снабжать свои исследования соответствующими дефинициями.

Во-вторых, при указанном употреблении исследуемых терминов авторы лингвистически усугубляют проблему формы и содержания права как явления. Мы сугубо аксиоматически исходим из того, что право, будучи самостоятельным социальным явлением, существует в единстве содержания и формы. Последнюю в юридической науке часто обозначают термином «источник права». Если брать философское понимание формы как способа существования явления, то применительно к праву его содержанием мы полагаем возможным считать правовое высказывание (в сугубо позитивистском понимании) [11, с. 37, 47, 80.].

Юристы вслед за теологами осуществили действие, которое с явлениями объективной, то есть вещественно-предметной, реальности невозможно. Это умозрительное разделение права как единого явления на его содержание (то есть систему права: правовые высказывания, предписания) и форму (систему законодательства: система форм, носителей содержания). Таким образом, в научной традиции существуют якобы три явления: право, система права и система форм права (система законодательства). Но это не три самостоятельных явления, а одно — право. Если применить аналогию, то в системе религиозного знания похожую ситуацию можно наблюдать в спорах по проблеме Троицы или дискурса монофизитов с диафизитами. Такое разделение форм и содержания стало возможным благодаря тому, что и право, и религия не принадлежат в полной мере ни субъективной, ни объективной реальности. Они intersubъективны, так как существуют в субъективном сознании коллективов. Упоминание

об интерсубъективной природе права встречается в монографии Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило, А. А. Дорской «Смена технологических укладов и правовое развитие России» [9]. По поводу интерсубъективной природы права авторы указывают: «С позиций современной постнеклассической теории права одним из важных свойств права является его интерсубъективность. Право можно рассматривать как диалог, и в этом случае оно создается и существует за счет взаимодействия людей, их взаимопонимания и согласия на существование обязательных, признаваемых норм» [9, с. 18]. Однако понимание права именно как диалога характерно только для тех политико-правовых систем, в которых существует демократический режим в современном смысле. Для более широкого и оправданного с исторической точки зрения понимания интерсубъективности права необходимо как минимум скорректировать понимание права как диалога, взаимопонимания и согласия. Если посмотреть даже на сравнительно недавнюю историю, то легко заметить, что при таком понимании права к нему нельзя отнести, например, указ Екатерины II «О бытїи помѣщичьимъ людямъ и крестьянамъ въ повиновенїи и послушанїи у своихъ помѣщиковъ, и о неподаванїи челобитень въ собственныя Ея Величества руки» (22 августа 1767 года). Если положения этого акта считать примером оформления диалога, то весьма одностороннего. Вообще сложно назвать диалогом коммуникативную ситуацию, в которой властный субъект в принципе не слышит мнения подвластных. Это скорее монолог. Но ведь именно такая ситуация существовала на протяжении большей части истории государств и их правовых систем. Из сказанного следует, что разработка общей и фактически обоснованной интерсубъективной концепции позитивного права может стать делом будущего юридической науки.

Осуществляя упомянутый выше весьма произвольный «разрыв» права как единого явления на его содержание и форму, юристы начали изучать содержательные и формальные свойства права отдельно, выявляя специфические содержательные и формальные закономерности. В этом мы усматриваем существенное методологическое значение данного подхода. Однако, кроме проблемы утраты понимания права как единого явления, исследователи получили проблему смешения смыслов, вкладываемых в термины «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений». Если мы раздельно изучаем системы права и законодательства, то какими терминами (правовое регулирование, регулирование правоотношений, другое определение) следует обозначать соответствующие аспекты данных систем?

Вероятно, мы имеем ситуацию, для обозначения которой можно предложить термин «лабиринт юридических искажений». Выход из нее может быть найден путем возвращения к классическим методологическим основам понимания реальности, но с учетом самостоятельности интерсубъективной реальности.

Таким образом, будущее развитие юридической науки, возможно, пойдет по пути создания целостной интерсубъективной теории юридической реальности, упоминание которой можно встретить в современных научных работах.

Результаты исследования

Принимая во внимание вышеизложенное, сформулируем некоторые выводы и рекомендации.

Вывод первый: термином «регулирование правоотношений» удобнее всего обозначать деятельность правосубъектного лица по созданию правовых средств, введению их в действие (наделение юридической силой) либо изменению или прекращению такого действия.

Вывод второй: термином «правовое регулирование» целесообразно обозначать само функционирование права, правовых средств, то есть осуществление ими собственных регулятивной или охранительной функций.

Вывод третий: термины «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений» нецелесообразно использовать для обозначения массива правовых предписаний.

Рекомендация первая: в научных работах авторам для прояснения сути сказанного и предотвращения самозапутывания в лабиринте юридических искажений следует формулировать определения изучаемых явлений непосредственно или в виде ссылок.

Рекомендация вторая: методологический подход искусственного раздельного рассмотрения содержаний и форм юридических явлений (как права, так и других) следует применять очень осмотрительно, постоянно проверяя себя на возможное нарушение принципа единства формы и содержания явления.

Рекомендация третья: в научных работах желательно избегать использования терминов, словосочетаний и суждений, затрудняющих понимание intersубъективной природы права, правовых средств и других явлений юридической реальности.

Список источников

1. Абрамов Р. А., Пашенцев Д. А. Развитие цифровой экономики как фактор динамики правового регулирования общественных отношений // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 4 (52). С 7–14.
2. Алексеев С. С. Теория права. М.: Бек, 1995. 311 с.
3. Аржанов М. А. Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе советского права // Советское государство и право. 1940. № 8-9. С. 12–28.
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
5. Васильев П. В. Правовое регулирование: проблемы понимания // Государство и право. 2022. № 11. С. 79–84.
6. Горшенев В. М. Возрастание роли общественных организаций и коллективов трудящихся в применении норм советского права на современном этапе // Правоведение. 1963. № 1. С. 3–13.
7. Ершов В. В. Регулирование правоотношений. М.: РГУП, 2020. 562 с.
8. Орлов Д. В. Издержки законодательного регулирования на федеральном уровне // Академический юридический журнал. 2025. Т. 26. № 3. С. 435–447.

9. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2021. 184 с.
10. Радько Т. Н., Толстик В. А. Функции права. Нижний Новгород: Нижегородская высшая школа МВД РФ, 1995. 106 с.
11. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 320 с.

References

1. Abramov R. A., Pashentsev D. A. Razvitiye tsifrovoy ekonomiki kak faktor dinamiki pravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskiye nauki». 2023. № 4 (52). S. 7–14.
2. Alekseyev S. S. Teoriya prava. M.: Bek. 1995. 311 s.
3. Arzhanov M. A. Predmet i metod pravovogo regulirovaniya v svyazi s voprosom o sisteme sovetskogo prava // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. 1940. № 8-9. S. 12–28.
4. Bolshoy tolkovy slovar russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 1998. 1534 s.
5. Vasilyev P. V. Pravovoye regulirovaniye: problemy ponimaniya // Gosudarstvo i pravo. 2022. № 11. S. 79–84.
6. Gorshenev V. M. Vozrastaniye roli obshchestvennykh organizatsiy i kollektivov trudyashchikhsya v primenenii norm sovetskogo prava na sovremennom etape // Pravovedeniye. 1963. № 1. S. 3–13.
7. Ershov V. V. Regulirovaniye pravoотношений. M.: RGUP. 2020. 562 s.
8. Orlov D. V. Izderzhki zakonodatel'nogo regulirovaniya na federalnom urovne // Akademicheskiy yuridicheskiy zhurnal. 2025. T. 26. № 3. S. 435–447.
9. Pashentsev D. A., Zaloilo M. V., Dorskaya A. A. Smena tekhnologicheskikh ukladov i pravovoye razvitiye Rossii: monografiya. M.: IZiSP: Norma: INFRA-M. 2021. 184 s.
10. Radko T. N., Tolstik V. A. Funktsii prava. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskaya vysshaya shkola MVD RF. 1995. 106 s.
11. Cherdantsev A. F. Logiko-yazykovyye fenomeny v yurisprudentsii: monografiya. M.: Norma: INFRA-M. 2012. 320 s.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026;
одобрена после рецензирования: 15.02.2026;
принята к публикации: 05.03.2026.

The article was submitted: 15.01.2026;
approved after reviewing: 15.02.2026;
accepted for publication: 05.03.2026.